

М.В. ИЛЬИН, И.В. ФОМИН *

И СМЫСЛ, И МЕРА. СЕМИОТИКА В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ¹

Аннотация. В развитие традиций Дж. Локка, И. Канта и Ч.С. Пирса выделяются три методологических органа – интегратора познания. Это математика, познание мер и искусство различных измерений вещей. Это морфология, познание форм и искусство выявления отношений и их конфигураций. Это семиотика, познание смыслов и искусство их передачи. Показано, что три органа в своих отраслях и вариантах множатся и получают развитие в отдельных предметно-специфических областях знания и в технически специализированных направлениях исследований. Дается обзор наличных вариантов и версий дисциплинарного претворения математики, морфологии и семиотики. Математика является наиболее полным комплексом научных дисциплин. Морфология существует как сильно фрагментированное созвездие вполне самостоятельных дисциплин. Для семиотики важно преодоление разрыва между контурными разработками общей или «чистой», по Моррису, семиотики и целым облаком более или менее развитых семио-

---

* **Ильин Михаил Васильевич**, доктор политических наук; руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН; профессор НИУ ВШЭ; профессор МГИМО (У) МИД России; e-mail: mikhaililyin48@gmail.com; **Фомин Иван Владленович**, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН; e-mail: fomin.i@gmail.com

Mikhail Ilyin, Center for Advanced Methods of Social Sciences and Humanities, INION RAN; National Research University Higher School of Economics; Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia) e-mail: mikhaililyin48@gmail.com; **Fomin Ivan**, Center for Advanced Methods of Social Sciences and Humanities, INION RAN; e-mail: fomin.i@gmail.com

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-23-20009 «Семиотика политического дискурса: трансдисциплинарный подход».

логий разного рода, укорененных в изучении языков, литератур, искусств, геральдической символики, расовой дискриминации, идеологических манипуляций и т.п. Рассматриваются пути интеграции общего пространства семиотических исследований, вклад анализа политических дискурсов и речевых актов в решение этой задачи.

Ключевые слова: трансдисциплинарные органоны; математика; морфология; семиотика; семиотические методы; общая семиотика; чистая семиотика; социальная семиотика; семиотика политики; политическая семиотика; политический дискурс; речевые акты.

M.V. Ilyin, I.V. Fomin

Meaning and measure. Semiotics in the space of modern science

Abstract. Reinterpretation of approaches of John Locke, Immanuel Kant and Charles Peirce helps to single out three integral organons of cognition. One is mathematics, or cognition of measure and art of all kind of measurement. Another is morphology or cognition of forms and art of arranging shapes and configurations. One more is semiotics or cognition of meanings and art of their transfer. It is demonstrated that all three organons vary and provide specific fields of knowledge and areas of research. Current versions and varieties of disciplinary manifestations of organons are reviewed. Mathematics is the most developed complex of scientific disciplines. Morphology is a constellation of a number of assorted and fully independent disciplines. Semiotics is rifted by a gap between rough outline of general or «pure» semiotics (Morris) and a nebula of unevenly elaborated semiologies of various sorts – that of languages, literatures, cinema, heraldry, race discrimination or ideological manipulations. Analysis of political discourses and speech acts can contribute to integration of common area of semiotic research.

Keywords: transdisciplinary organons; mathematics; morphology; semiotics; semiotic methods; general semiotics; pure semiotics; social semiotics; semiotics of politics; political discourse; political semiotics; speech acts.

Семиотика – это аналог математики для социально-гуманитарного знания. Последние два с лишним десятилетия нам приходится использовать всякий повод, чтобы выдвигать и развивать это положение [Ильин, 2007; 2015; Фомин, 2014; 2015 а]. Это необходимо, поскольку среди публики, и особенно коллег-политологов, удивительным образом господствует взгляд, будто семиотика «всего лишь лингвистика» и не имеет никакого отношения ни к политике, ни к социальному познанию вообще.

Подобное положение дел особенно грустно в свете того, что ровно противоположные представления о семиотике как основа-

нии всякого человеческого познания были авторитетно заявлены классиками современной философии и науки. Первым в этом ряду был Джон Локк, хотя некоторые семиотические идеи формулируются еще в древние времена, а непосредственно из Античности вытекают питающие ее интеллектуальные традиции [Nöth, 1990]. Что же касается Джона Локка, то он в своем «Опыте о человеческом разумении» (1690) употребляет греческий термин $\sigma\eta\mu\iota\omega\tau\iota\kappa\acute{\eta}$ для обозначения «учения о знаках» (the doctrine of signs) [Локк, 1985, с. 200–201; Locke, 1995, IV:XXI].

Весь XVIII и первая половина XIX столетия были заполнены весьма содержательной, но скорее подготовительной работой таких ученых, как И.Г. Гердер, В. Гумбольдт, И.Г. Ламберт, Б. Больцано, и десятков других [подробнее см.: Nöth, 1990]. Поворотным моментом стали труды Чарльза Сэндера Пирса [Peirce, 1982], создававшиеся им начиная с 60-х годов позапрошлого века. Начало прошлого столетия отмечено появлением сигнифики Виктории Уэлби [Welby, 1985] и семиологии Ф. де Соссюра [Соссюр, 1977, с. 54].

Пирсовские идеи о фундаментальном характере семиотики развивал выдающийся ученый Чарльз Уильям Моррис. Он четко различал чистую (pure) семиотику и ее приложения к различным предметным областям в виде дескриптивных (descriptive) семиотик [Morris, 1938, p. 9]. Однако удивительным образом такое различие в научном мейнстриме не поддерживается, за редкими исключениями. Они включают, например, статью о разделении семиотики Ганса-Генриха Либса, который проанализировал подходы Р. Карнапа, К. Ельмслева и некоторых других коллег и весьма удачно предложил переименовать чистую семиотику в общую, а описательную – в специальную [Lieb, 1975]. Также стоит упомянуть о разделении теоретической и прикладной семиотики, проводимом в фундаментальном справочнике В. Нёта [Nöth, 1990, p. 5].

За последние десятилетия и годы был достигнут существенный прогресс в развитии как семиотики, так и ее приложений к анализу дискурсов и когнитивных схем и моделей. Это позволяет возвратиться к идее Чарльза Морриса о «чистой семиотике», всерьез поставить вопрос о развитии общей семиотики как своего рода трансдисциплинарного интегратора всего комплекса социально-гуманитарных наук, включая и политологию.

Сама научная и жизненная практика вновь возвращает нас к идеям чистой или общей (по Либу) семиотики, которая начинает

проявлять себя как «наиболее оформленная часть современных системно-структурных исследований» [Степанов, 1998, с. 19]. Уже 40 с лишним лет назад академик Ю.С. Степанов и ряд его учеников и сотрудников сумели увидеть необходимость, неизбежность и внутреннюю оправданность интеграции семиотики в науку особого ранга, в своего рода метанауку.

Именно такой подход избран Центром перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН. Более того – семиотика рассматривается как один из специфических трансдисциплинарных научных органов, которые могли бы брать на себя роли интеграторов, лидеров и посредников в осуществлении социально-гуманитарных исследований. Это три фундаментальных органа – математика, семиотика и морфология, – которым подыгрывают также выходящие за пределы отдельных дисциплин когнитивистика, компаративистика, синергетика, а также системные и трансдисциплинарные исследования.

Почему перечень органов-интеграторов ограничен именно этим кругом? Почему их именно три? Чтобы подступить к ответу на этот вопрос, обратимся к триадическим конструкциям Локка, Канта и Пирса.

Три органа познания

Три органа познания связаны с тремя типами когнитивных способностей. К выявлению и осмыслению этих способностей первыми попытались проложить свои пути Джон Локк, Иммануил Кант и Чарльз Пирс. Каждый из них на разных основаниях и разными способами выделял свои триады человеческих способностей.

Джон Локк исходил из направленности жизненных интересов людей. Его точкой отсчета является индивид, который использует свои возможности для утверждения себя в окружающем мире. Для индивида (и для Локка) принципиально важны три типа способностей, которые в своем предельном развитии предстают как особые науки (*sciences*). Наиболее отчетливо он пишет об этом в своем «Опыте о человеческом разумении» (1690), который завершает главой о разделении наук. По Локку, семиотика (*Semeiotike*) как «учение о знаках» (*the doctrine of signs*) составляет одну из трех ветвей познания как такового наряду с *физикой* – «знанием о

вещах» (the knowledge of things) – и *практикой* – «умением правильно прилагать наши силы и действия для достижения благих и полезных вещей» (the skill of right applying our own powers and actions, for the attainment of things good and useful) [Локк, 1985, с. 200–201; Locke, 1995, IV:XXI].

Различение вещей (things) и действий (actions) для Локка основополагающее [Локк, 1985, с. 200–201; Locke, 1995, IV:XXI]. Это вполне укладывается в базовую онтологическую антитезу вещной *реальности* (reality, réalité, die Realität: от лат. *res* – ‘вещь’) и фактуальной *действительности* (actuality, actualité: от лат. *actio* – ‘действие’); die Wirklichkeit: от нем. *wirken* – ‘действовать’).

Такое противопоставление является фундаментальной presupпозицией современного научного знания и лежит в основе информационно-энергетичной онтологии человеческого мира, представленной, например, Т. Парсонсом в виде модели социальной системы [Parsons, 1966]. Целостный человеческий мир у Парсонса ограничивается двумя запредельностями: физико-органической средой (physical-organic environment) и так называемой «Конечной реальностью» («Ultimate Reality»). Социальную систему пронизывают два структурообразующих и взаимодополняющих «кибернетических» параметра: энергетическое нарастание контролирующих факторов (hierarchy of controlling factors) в сторону физико-органической среды и информационное нарастание обусловливающих факторов (hierarchy of conditioning factors) в сторону «Конечной реальности» [Parsons, 1966, p. 28].

Знания и внешних для человека вещей, и собственно человеческих действий обращены каждое к своему предмету. Знаки же и связанная с ними семиотика инструментальны. Они позволяют людям пробиться к мирам вещей и действий, к реальности и действительности через их познание с помощью знаков. Отсюда вытекает локковская трактовка особой роли семиотики, или логики. Ее предназначение, по мнению Локка, заключается в том, чтобы «рассмотреть природу знаков, которыми ум пользуется для уразумения вещей или для передачи своего знания другим» [Локк, 1985, с. 200–201; Locke, 1995, IV:XXI].

Кант также ставит в центр своей философской системы индивида, использующего свои способности или, по выражению кенигсбергского философа, способности души в совокупности (Gesamte Vermögen des Gemüts), которые разделяются на три типа

в зависимости от своего применения (Anwendung auf), а именно познавательные способности (Erkenntnisvermögen), чувства удовольствия и неудовольствия (Gefühl der Lust und Unlust) и способности желания (Begehrungsvermögen) [Kant, 1913, S. 198].

Эти три типа способностей с точки зрения познания становятся собственно познавательными способностями.

Первой познавательной способностью является рассудок (Verstand). Он обращен к природе (Natur), реальности, или локковскому миру вещей. Рассудок использует априорный принцип закономерности (Gesetzmäßigkeit). В развитие кантовской логики отметим, что он основан на *мере*, а его предельным и универсальным научным выражением становится математика.

Нашим вторым когнитивным могуществом является способность суждения (Urteilkraft). По Канту, она обращена к искусству (Kunst) в самом широком смысле, т.е. к созданию человеческих артефактов, к действительности. Ее принцип – целесообразность (Zweckmäßigkeit), что явственно перекликается с политической стороной жизни, с целедостижением. Соответственно, основанием выступает *форма* и научным выражением – морфология.

Третья способность – разум (Vernunft). Он обращен к свободе (Freiheit). Его априорным принципом является конечная цель (Endzweck). В таком случае, снова дополним Канта, его основание составляет *смысл*, а научное выражение – семиотика.

В некоторых отношениях превзошел самого Канта американский философ Чарльз Сандерс Пирс, предложивший собственную мощную систематику, также имеющую триадическую структуру. Уже в своей ранней работе 1865 г. «Телеологическая логика» Пирс разделял всю науку на три большие разновидности: *позитивную науку* (изучение вещей), *семиотику* (изучение представлений) и *формальную науку* (изучение форм) [Peirce, 1982, p. 303–304].

Пирс идет еще дальше и в развитие кантовских идей выделяет нечто более абстрактное и удобное для аналитической работы, чем обобщенные способности души (Gesamte Vermögen des Gemüts). Это фундаментальные категории: первичность (firstness), или непосредственное качество ощущения; вторичность (secondness), или дуальность факта; взаимодействие субъекта и объекта, третичность (thirdness), или медиация, посредование [Пирс, 2000, с. 163].

В своем письме к замечательной английской мыслительнице, создательнице сигнифики, особой версии семиотики, леди Виктори

Уэлби он поясняет связь своих фундаментальных «ксенопифагорейских категорий» с философской традицией. Они, пишет Пирс, «несомненно, являются попыткой охарактеризовать то, что пытался охарактеризовать Гегель как три стадии мысли. Они также соответствуют трем категориям каждой из четырех триад Кантовой таблицы». Это как раз те категории и триады, о которых только что шла речь выше. И далее Пирс продолжает: «Но тот факт, что эти три различные попытки были сделаны независимо друг от друга (сходство указанных категорий с гегелевскими стадиями оставалось незамеченным еще в течение многих лет после того, как их список был продуман, в силу моей антипатии к Гегелю), лишь еще раз подтверждает, что эти три элемента существуют в действительности» [Пирс, 2000, с. 164].

Итак, пирсовские категории при всей их абстрактности, кантовские обобщенные способности души и локковские универсальные науки существуют в действительности. Причем существуют они куда надежнее, чем преходящие факты и явления, при всей конкретности и даже осязаемости последних. Чем же оборачиваются для нас, современных людей науки, эти три универсалии? Тремя методологическими органами – интеграторами познания. Это математика, познание мер и искусство различных измерений вещей. Это морфология, познание форм и искусство выявления отношений и их конфигураций. Это семиотика, познание смыслов и искусство передачи смыслов, посредования, коммуникации. В конечном счете это искусство превращения вещей и форм в наше человеческое осмысленное достояние, их присвоение и тем самым освобождение, делание своим.

Нынешний облик органов

Три органа – математика, семиотика и морфология – в своих отраслях и вариантах множатся и получают развитие в отдельных предметно специфических областях знания и в технически специализированных направлениях исследований. Подобного рода варианты можно обнаружить и проследить их возникновение как в истории науки и, шире, человеческого знания, так и в современных научных исследованиях. Разумеется, ни история познания, ни тем более современная наука не дают, да и не могут дать ис-

черпывающего набора всех возможных версий и разновидностей трех наших органов. Задача аналитического моделирования всех возможных вариаций органов может быть поставлена – при всей своей масштабности и небывалой трудоемкости решения.

Начать следовало бы с самого приблизительного обзора наличных вариантов и версий математики, морфологии и семиотики. Затем уместно прояснить принципы варьирования. Наконец, на этой основе наметить хотя бы в главных чертах состав и общие контуры трех обширных комплексов познания.

Математика получила наиболее полное и последовательное развитие. Ее основные отрасли начали формироваться уже в глубокой древности. Около 2 тыс. назад зародились представления об особом математическом знании, а в течение последних пяти-шести веков оно интенсивно и систематично развивается. Результатом этого развития стал целый комплекс математических наук и их приложений в отдельных предметных областях науки и практики. Сегодня трудно найти сферы интеллектуальной деятельности, где различные математические науки не только не нашли бы применения, но и не породили бы своих модификаций.

Морфологические изыскания можно обнаружить в почти столь же глубокой древности. Их развитие было поступательным, но неравномерным и выборочным. Оно затрагивало преимущественно области, где наглядность и пластичность форм была наиболее зрима и ощутима – от биологии и медицины до эстетики и от риторики до юриспруденции. При этом морфологическое знание было столь тесно переплетено со своей предметностью, что зачастую оказывалось скрытым, тайным. Эта особенность столь укоренена, что мощно сказывается по сей день. Как бы то ни было, но уже свыше двух столетий длится собственное развитие морфологии как особого типа познания благодаря титаническому прорыву, осуществленному И.В. Гёте, и плеяде его выдающихся морфологов времен зрелого Просвещения [Goethe, 1790; Гёте, 1957].

В настоящее время морфологический комплекс наук существует как сильно фрагментированное созвездие вполне самостоятельных дисциплин. Это, например, биологическая морфология, несколько медицинских морфологий, геоморфология, лингвистическая морфология, в свою очередь высокофрагментированная по предметам – отдельным языкам. Рядом с этими звездами первой величины роятся чуть менее консолидированные и самостоятельные

дисциплины, включая морфологию искусства и целый ряд субдисциплин от морфологии сказки до морфологии наноструктур. Наконец, в созвездии есть и морфологические звезды разной величины, которые пытаются мигать чужим, неморфологическим светом. Это как раз те дисциплины, которые рано и успешно мимикрировали под некое сугубо специальное знание. Это юридическая морфология, маскирующаяся под конституционализм, и политическая морфология, встроенная в становящийся почти безбрежным институционализм, исторически вырастающий из учений о формах правления [см., напр.: Ильин, 2014].

Таким образом, при всей своей успешной экспансии морфология остается далекой не только от выработки общих методологических принципов и практик, но и от взаимного понимания между отдельными морфологиями – явными или скрытыми, некоторые из которых де-факто остаются герметическими.

Семиотика еще «моложе» морфологии, хотя некоторые ее идеи восходят к античным временам. В строгом смысле она появилась всего полтора столетия назад, если вести отсчет от систематики Чарльза Пирса, и всего семь десятилетий, если за отправную точку взять зрелые труды Чарльза Морриса. Общие контуры возникновения семиотики были очерчены в самом начале статьи, однако приходится признать, что при всем значении прозрений Джона Локка, Иммануила Канта и Чарльза Пирса задача формирования органона как такового, или «чистой» семиотики, была отчетливо сформулирована только Моррисом [Morris, 1938, p. 9]. И сегодня эта мечта Чарльза Морриса все еще далека от реализации, хотя некоторое подобие «моррисовского» аппарата принимается с большей или меньшей полнотой практически во всех семиотических субдисциплинах. В настоящее время семиотика встроена в инструментарию лингвистики, культурологии и искусствоведения, а также существует в виде политической семиотики, психосемиотики, социальной и антропологической семиотики и др. Она оказалась способной консолидировать всего лишь ряд вполне развитых субдисциплин.

Вместе с тем приходится признать, что трактовка семиотики как своего рода органона далеко не единственная и общепринятая. Скорее наоборот. Подобный подход склонны принимать теоретико-методологически ориентированные коллеги, ориентирующиеся на традицию Пирса и Морриса. Альтернативная же традиция связы-

вает семиотику с практикой понимания осмысленных фрагментов действительности, с описанием и интерпретацией непосредственно создаваемых людьми артефактов, чаще всего текстов. Так, Фердинанд де Соссюр считал свою семиологию «частью социальной, а следовательно, и общей психологии» [Соссюр, 1977, с. 54]. И эта дисциплина пронизывает все гуманитарное знание, оставаясь растворенной во всех его конкретных проявлениях. Тогда получается, что семиотика связана скорее с когнитивной наукой, а Соссюра можно рассматривать как своего рода предтечу когнитивной революции.

Столь очевидное фундаментальное различие заставляет задуматься о том, что, вполне возможно, имело бы смысл пользоваться двумя этими различными терминами для обозначения принципиально разных познавательных способностей и, шире, типов познания. Можно говорить о семиотике в пирсовском смысле как о методологическом органоне, а также о семиологии в соссюровском смысле как о конгломерате исследовательских практик, объединенных общим трудом по освоению и пониманию создаваемых людьми смыслов. Разумеется, обе традиции тесно связаны и дополняют друг друга, однако налицо и их серьезные расхождения и даже разрывы, о чем пойдет речь далее.

Фактическое существование всех трех органов – математики, семиотики и морфологии – протекает в интеллектуальном пространстве, которое поляризовано между относительно устойчивым ядром основополагающих принципов вкупе с их теоретико-методологической проработкой и множеством достаточно своеобразных наборов исследовательских практик.

Насыщение и очищение органовов

Все разнообразие модусов существования каждого из органовов может быть упорядоченно представлено в пространстве между двумя полюсами, которые соответствуют *насыщенному* и *очищенному* вариантам органовов. В насыщенных своих вариациях органы существуют, будучи тесно связаны с предметной фактурой той или иной дисциплины. В этом своем модусе они могут быть эффективны для решения узких предметных задач, но менее пригодны для осуществления трансдисциплинарной интеграции. Для того чтобы такая интеграция в полной мере состоялась, необходимо

отрефлектировать и проработать связь между насыщенными версиями органовов и их очищенными вариантами.

И именно здесь выявляется специфика положения математики. Математика в нынешнем своем состоянии в большей степени, чем другие органы, реализована в очищенном своем варианте. Для других претендентов на роль трансдисциплинарных методологических интеграторов эта перспектива еще только намечается. Выработка более ясного представления об очищенных вариантах органовов – общей морфологии (общих принципах изучения форм) и общей (чистой) семиотике (общих представлениях о знаках, их устройстве и связях между ними) – в перспективе позволит более ясно проследить уже существующие трансдисциплинарные методологические связи и наметить перспективы дальнейшей, более продуктивной и систематизированной научной интеграции.

Вместе с тем даже в случае с математикой приходится признать, что ее достаточно полная конфигурация как органона-интегратора сложилась в основном стихийно, без последовательных усилий по формированию комплексной и многослойной супердисциплины. Возникает впечатление, что различные части органа получили достаточно полное развитие. Впрочем, это лишь впечатление, а не надежно установленное знание. Хотя это не бесспорно, ни полнота, ни систематичность математического знания не подвергались специальному изучению. Можно, например, предположить, что остается немало все еще не освоенных предметных и проблемных областей, в которых так и не реализованы убедительные приложения математики.

Иные конфигурации проявляются в морфологии и тем более семиотике. При всем своеобразии истории их формирования одно обстоятельство остается общим. Это высокая фрагментированность относительно изолированных друг от друга исследовательских практик, тесно увязанных со специфическими проектами изучения не менее конкретных предметов.

Таким образом, интеллектуально освоенные органами пространства научного исследования весьма своеобразны и неоднородны, за исключением, возможно, математики. В состоянии ли мы уловить своим взором потенциально возможную, «заполненную» нашим воображением структуру интеллектуального пространства органовов? Да, порядки переходов, их глубину, равно как и высоту, можно представить с помощью своего рода лестницы.

Начать можно с самого верха. Там чистый органон вне времени и пространства. И даже без человека, а с каким-то виртуальным интеллектом, не отягощенным телом, биосферой. Ниже может быть обнаружен органон биосферно-человеческий. В таком случае туда попадает когнитивная наука. Далее идут дисциплинарные органоны, т.е. органоны, связанные с конкретными предметными сферами (опускаемся в политику – получается политическая семиотика). То же самое с математикой и с ее приложениями к физике, химии и т.д. Наконец, в самом низу лестницы появляются собственно прикладные дисциплинарные органоны, которые, ко всему прочему, связаны с некими специфическими дисциплинарными познавательными возможностями, например предметными морфологиями, вплоть до морфологии современного грузинского языка или семиологии предвыборного манипулирования в электронных медиа. Именно на этом уровне выявляются прикладные контуры органонов. Здесь создается конкретный и прагматический инструментарий, который может получить развитие, а порой и начинает получать его в виде отчетливого набора исследовательских методик, интегрированных в единый методологический комплекс.

Перспективы развития органонов и политической семиотики

При всех усилиях по выявлению интеграционного потенциала вышеперечисленных научных направлений ни в одном из этих случаев систематически и последовательно не ставилась задача разделения общенаучного ядра и специальных приложений соответствующих научных направлений. Пожалуй, только в семиотике Чарльз Моррис и Ганс-Генрих Либ наметили вектор к аналитическому разделению (и одновременному прагматическому соединению) «чистой семиотики» и ее специальных дисциплинарных вариантов вплоть до самых прикладных [Morris, 1938; Lieb, 1975]. Однако решение этой задачи так и не было доведено до конца. Тем более не ставились задачи разделения и консолидации общей компаративистики, морфологии и т.п. на фоне их специальных дисциплинарных версий. Данный пробел и призван заполнить исследовательский проект Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН [Ильин, 2014; Кокарев,

2014; Круглый стол... 2014; Авдонин, 2015; Фомин, 2014; 2015 а; 2015 b; Золян, 2016].

В случае подтверждения выявленных интеграционных способностей можно было бы приступить к разработке того, что мы называем органами-интеграторами. Идея таких органов не просто апеллирует к аристотелевской [Аристотель, 1978] и бэконовской [Бэкон, 1935] традициям, но претендует на рационализацию и систематизацию выявленных интеграционных возможностей. Это, по существу, общие методологические рамки, которые включают как устойчивый методологический аппарат, так и более гибкие исследовательские практики, подтверждающие свою интегративную общенаучную и обществоведческую значимость.

Для семиотики важно преодоление разрыва между пока все еще крайне приблизительными и, можно сказать, контурными разработками общей или «чистой», по Моррису, семиотики и целым облаком более или менее развитых семиологий разного рода, укорененных в изучении кино, геральдической символики, расовой дискриминации, идеологических манипуляций и т.п. Пока же ситуация остается крайне плачевной. Чем сильнее углубляются специализированные семиологии, тем активнее они стремятся выработать свой уникальный инструментарий и даже особый язык, которые становятся все более закрытыми и герметичными. При этом импортируемые исследовательские техники, как правило, некритически заимствуются из репертуара весьма укорененных в предметности субдисциплин. А это делает соответствующие наборы плохо интегрированных исследовательских методик крайне ненадежными и зависимыми не столько от исследовательских процедур, сколько от индивидуального искусства того или иного исследователя.

В случае с многочисленными и очень сильно отличающимися друг от друга версиями так называемого политического дискурса-анализа приходится иметь дело не просто с радикально различными и порой несовместимыми версиями анализа. Они, пожалуй, составляют меньшую часть доступных в литературе опытов изучения политических текстов или эпизодов политики. Большую часть составляют либо чистые синтетические интерпретации, либо их смешение с аналитическими процедурами. Как чистая аналитика, так и чистые интерпретации сами по себе зачастую недостаточны для проведения полноценного исследования. Приходится перехо-

дить от аналитических к интерпретационным процедурам и обратно в рамках составного, пошагового исследовательского дизайна или использовать иные способы их смешения. Однако каждое такое конкретное исследование не может выдавать сиюмоментный и случайный пример (*casus*) технических ухищрений за полноценную методологию.

Тем более нельзя методологически полагаться ни на какие образцы постмодернистских или постструктуралистских интерпретаций, даже одобренных добротными аналитическими ухищрениями. Они в принципе отвергают саму возможность последовательной методологии, акцентируя как раз произвольные отклонения от нее. Да и лучшие, порой блестящие примеры подобных опытов в исполнении, например, Джудит Батлер [Butler, 1997], Жана Бодрийера [Бодрийер, 1999] или Жака Деррида [Деррида, 2000] остаются в конечном счете скорее актами искусства, перформанса, чем науки. Их методология в принципе не поддается ни воспроизведению, ни передаче, ни тем более критической проверке.

Какой урок из этого можно извлечь с точки зрения формирования политической семиотики в рамках общего семиотического органона? Очень важный. Уникальные опыты изучения текстов или эпизодов политики, игнорирующие методологическую проблематику общей семиотики, обречены ни изолированное, герметичное существование. Их значимость для построения общей семиотики крайне ограничена. Она по большей части негативная, демонстрирующая дефицит или порой отсутствие методологической составляющей. Надеяться на обобщение и индуктивное наращивание семиотического органона, отталкиваясь от разрозненных и случайных опытов, наивно и даже опасно.

Куда реалистичнее использовать более или менее последовательные опыты критического анализа дискурсов или их методологически заточенного ядра. Тут происходит формирование вполне прагматического инструментария, а то и отчетливого набора исследовательских методик, которые могут быть интегрированы в единый методологический комплекс политической семиотики.

Однако наиболее действенным и убедительным подходом является выстраивание семиотического органона сверху. На практике это означает, что уже достаточно заметному и расширяющемуся кругу коллег, пытающихся практиковать анализ политических дискурсов, необходимо пройти школу освоения основ

семиотики хотя бы моррисовской версии. Разумеется, это будет не более чем ликбезом. Одновременно уже от методологически ориентированных семиотиков требуется расширить и насытить содержательное поле общей семиотики за счет реинтеграции в него как достижений неосвоенной классики (Ч. Пирс [Peirce, 1982], В. Уэлби [Welby, 1985] и др.), так и альтернативных методологических подходов (К. Бюлер [Бюлер, 1993], Я. Икскуль [Uexküll, 1982], А. Греймас [Greimas, Courté, 1979] и др.).

Остановимся на одной лишь возможности. Предложенная Карлом Бюлером модель, или органон знака, позволяет сделать отправным моментом коммуникационное взаимодействие [Бюлер, 1993], а не материальный носитель знака, в отличие от семиологии Соссюра [Соссюр, 1977] и даже классической семиотики Пирса-Морриса [Peirce, 2012; Morris, 1938]. В этом случае прагматическая перспектива, имеющая ключевое значение для критического анализа дискурсов, будет не завершающей надстройкой, а фундаментом семиотической методологии. Это в свою очередь позволит начинать и завершать анализ целостными речевыми актами (speech acts) или фактами коммуникации, а не заикливаться на атомарных единицах смысла. При всей своей безусловной важности они остаются только лишь материалом для создания осмысленных эпизодов политики и для научного изучения таких эпизодов.

Работа предстоит большая и долгая. И разворачивать ее надлежит уверенно и без колебаний, преодолевая все еще господствующие в политологической среде предрассудки, будто семиотика «всего лишь лингвистика» и не имеет никакого отношения ни к политике, ни к социальному познанию вообще.

Список литературы

- Авдонин В.С. Методы науки в вертикальном измерении (метатеория и метаязыки-органоны) // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / РАН. ИНИОН. – М., 2015. – Вып. 5. – С. 265–278.
- Аристотель. Сочинения: В 4 т. – Т. 2 (Органон). – М.: Мысль, 1978. – 688 с.
- Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 1999. – 224 с.
- Бэкон Ф. Новый Органон. – Ленинград: Соцэкгиз. Ленинградское отд-ние, 1935. – 382 с.
- Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. – М.: Прогресс, 1993. – 502 с.
- Гёте И.В. фон. Метаморфозы растений // Гёте И.В. фон. Избранные сочинения по естествознанию. – М.: АН СССР, 1957. – С. 20–57.

- Деррида Ж.* Письмо и различие / Пер. с фр. под ред. В. Лапицкого. – СПб.: Академический проект, 2000. – 430 с.
- Золян С.Т.* Семиотика как органон гуманитарного знания: возможности и ограничения // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / РАН. ИНИОН. – М., 2016. – Вып. 6. – В печати.
- Ильин М.В.* Семиотика как основа изучения языка политики и развития дискурса-анализа // Дискурс-Пи. – Екатеринбург, 2015. – № 1–2. – С. 43–47.
- Ильин М.В.* Patrimonium et imperium: метаморфозы двух прототипических порядков в зеркале эволюционной морфологии. Часть первая // ПОЛИТЭКС. – СПб., 2014. – № 3. – С. 5–21.
- Ильин М.В.* Политический дискурс // Политология: Лексикон / Под ред. А.И. Соловьева. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. – С. 537–544.
- Кокарев К.П.* Институционализм: Сад расходящихся исследовательских тропок // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2014. – Вып. 4. – С. 192–202.
- Круглый стол «Математика и семиотика: две отдельные познавательные способности или два полюса единого органона научного знания?» // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / РАН. ИНИОН. – М., 2014. – Вып. 4. – С. 122–142.
- Локк Дж.* Сочинения в 3-х томах. – Т. 2. – М.: Мысль, 1985. – 560 с.
- Моррис Ч.У.* Основания теории знаков // Семиотика / Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 37–89.
- Пирс Ч.С.* Избранные философские произведения. – М.: Логос, 2000. – 448 с.
- Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию / Пер. с франц.; под ред. А.А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – С. 31–273.
- Степанов Ю.С.* Язык и метод: К современной философии языка. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 784 с.
- Фомин И.В.* Политические исследования в трансдисциплинарной перспективе: возможности семиотического инструментария // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2015 а. – № 2. – С. 8–25.
- Фомин И.В.* Элементы семиотического органона для обществоведения: анализ повествований // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / РАН. ИНИОН. – М., 2014. – Вып. 4. – С. 143–160.
- Фомин И.В.* Семиотика или меметика? К вопросу о способах интеграции социально-гуманитарного знания // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин РАН. ИНИОН. – М., 2015 б. – Вып. 5. – С. 208–219.
- Butler J.* Excitable speech: A politics of the performative. – N.Y.; L.: Routledge, 1997. – 185 p.
- Goethe J.W.* Versuch die Metamorphose der Pflanzen zu erklären. – Gotha: C.W. Ettinger, 1790. – 86 p.
- Greimas A.J., Courtés J.* Sémiotique: dictionnaire raisonné de la théorie du langage. – Paris: Hachette, 1979. – 422 p.
- Kant I.* Kritik der praktischen Vernunft // Kant I. Gesammelte Schriften. – Berlin: Reimer, 1913. – S. 1–163.

- Lieb H.H.* On subdividing semiotic // *Pragmatics of natural languages*. – Dordrecht: Springer Netherlands, 1975. – P. 94–119.
- Locke J.* *An essay concerning human understanding*. – Amherst, N.Y.: Prometheus books, 1995. – 624 p.
- Morris C.W.* *Foundations of the theory of signs* // *International encyclopedia of unified science*. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1938. – Vol. 1, N 2. – 59 p.
- Nöth W.* *Handbook of semiotics*. – Bloomington; Indianapolis: Indiana univ. press. 1990. – 576 p.
- Parsons T.* *Societies: evolutionary and comparative perspective*. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966. – 120 p.
- Peirce C.* *Philosophical writings of Peirce*. – N.Y.: Dover publications, 2012. – 416 p.
- Peirce C.S.* *Writings of Charles S. Peirce: A chronological edition*. – Vol. 1: 1857–1866. – Bloomington: Indiana univ. press, 1982. – 736 p.
- Peirce C.S.* *Writings of Charles S. Peirce: A chronological edition*. – Vol. 1: 1857–1866. – Bloomington: Indiana univ. press, 1982. – 736 p.
- Uexküll J. von.* *The theory of meaning* // *Semiotica*. – Amsterdam, 1982. – 42 (1). – P. 25–82.
- Welby V.* *Significs and language: the articulate form of our expressive and interpretive resources* / Ed. H.W. Schmitz. – Amsterdam: Benjamins, 1985. – 151 p.